

Образы города

«ГОРОД С АЗИАТСКОЙ ДУШОЙ»: ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ ПОСТСОВЕТСКОГО УЛАН-УДЭ

Анатолий Сергеевич Бреславский,

кандидат исторических наук,

младший научный сотрудник

Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН,
научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования

E-mail: anabres05@mail.ru

В статье рассматриваются процессы формирования и утверждения новой городской идентичности современного Улан-Удэ – идеи «города с азиатской душой» и формирующих её геокультурных образов. Рассматриваются представления об Улан-Удэ как о «столице бурятского мира», «буддийской столице России», «восточных воротах России» и, наконец, «столице Байкальской Азии».

Ключевые слова: постсоветский Улан-Удэ; городская идея; геокультурные образы

УДК 911.3:008(571.54-25)

В настоящей статье мы представляем часть результатов исследования культурного пространства постсоветского Улан-Удэ [Бреславский 2012]. Методологически работа опирается на ландшафтно-образный подход к изучению культурного пространства города [Замятин и др. 2008] и, в частности, на визуальный (ландшафтный) и документальный (неландшафтный) анализ городского текста [Митин 2005: 235-275].

Улан-Удэ, основанный в 1666 г. в ходе хозяйственного освоения Сибири, прошёл более чем трёхвековой путь от Верхнеудинского острога до столицы Республики Бурятия (с 1992 г.). В статье речь пойдёт в большей степени о *современной* ситуации, а именно: о риториках и практике формирования новой общегородской идентичности Улан-Удэ – идеи «города с азиатской душой». Эта идея, опирающаяся в основном на мифопоэтические нарративы, включает в себя сегодня целый ряд пространственных представлений. Ключевые среди них следующие: «Улан-Удэ – столица бурятского мира», «буддийская столица России», «восточные ворота России» и, наконец, «столица Байкальской Азии». Каждый из этих культурно-географических образов в современной ситуации артикулирует преимущественно культурную самобытность и самодостаточность города – столицы этнической Бурятии; выражает явное стремление местного сообщества преодолеть ощущение провинциальности, заданное советским модернистским мышлением при жёстком разграничении «центра» и «периферии».

Каждый из образов – равно как и сама идея – совершенно лишён оттенков политического сепаратизма. Переосмысление общегородской идентичности здесь понимается как дискурсивная практика, связанная с формированием новых приоритетов и «координат» жизни городского сообщества, исходя из внутренней логики и культуры самого места, а не центра (метрополии). В случае с Улан-Удэ речь идёт о попытке сформировать и утвердить «аутентичную», а не «навязанную» идентичность города, о представлении его обновленной роли в постсоветских реалиях.

Верхнеудинск: от острога к городу

Улан-Удэ (до 1934 г. – Верхнеудинск) был основан продвигавшимися в Сибирь казаками, которые в 1666 г. построили на возвышенности у места слияния рек Уда и Селенга предвестник города – Верхнеудинский острог. В XVII веке он был административным и военным центром всего Забайкалья; с 1783 г. получает статус уездного города Иркутской губернии. В XVIII-XIX вв. Верхнеудинск – один из торговых центров региона. В 1920 г. – становится столицей Дальневосточной республики, в 1923 г. – объявлен столицей Бурят-Монгольской АССР. В 1934 г. Верхнеудинск переименован в Улан-Удэ, с 1958 г. – столица Бурятской АССР, с 1992 г. – Республики Бурятия. В этой исторической динамике просматривается, с одной стороны, явное укрепление столичных функций города, его политической самостоятельности, а с другой – его этнополитическая суверенизация. Здесь особенно показательны две исторические вехи. Во-первых, в связи с приходом советской власти Улан-Удэ «преодолеывает» статус уездного города. Во-вторых, в системе постсоветских федеративных отношений он обретает более широкие права на историко-культурную самоидентификацию. В контексте данной статьи важно отметить и ещё одно обстоятельство.

Улан-Удэ с момента своего основания и на протяжении нескольких веков был «азиатским» сугубо географически и стратегически. Внешний облик города, его архитектура, складывающееся местное сообщество, характер социально-экономических и культурных взаимодействий – по этим характеристикам Улан-Удэ не выделялся из череды многих сибирских поселений, развивавшихся по схожей исторической «колее» в ходе хозяйственной колонизации края. До конца XIX в. население города, являлось преимущественно русским [Минерт 1983: 87], сам «Верхнеудинск все еще оставался русским поселением на землях коренных народов» [Хамфри 2010: 288]. Преимущественно русским Верхнеудинск продолжал быть и в первые советские десятилетия. Стоит отметить здесь, что «официально, бурятские поселения были вне границ города <...> За советский период расширяющиеся границы быстро растущего Улан-Удэ не включали бурятские деревни в качестве новых городских областей» [Zhimbiev 2000: 7]. В этом смысле Улан-Удэ имеет много общего с другими городскими поселениями, появившимися на территории «национальных окраин» страны в ходе их хозяйственной колонизации и, в частности, индустриализации 1930-х – 1950-х годов. В качестве примеров назовём Абакан (хакасы) и Новокузнецк (шорцы).

Специфичным здесь является то обстоятельство, что «коренное» (титульное) население этих территорий изначально составляло в городах количественно незначительную группу. Оно, в основном, сосредотачивалось в сельских районах, продолжая сохранять элементы традиционной хозяйственной специализации. В этом смысле псевдоколониальный (как пишет о нём антрополог К. Хамфри [Хамфри 2010: 288]) Улан-Удэ никогда не обладал такой существенной характеристикой колониального города, как «туземные кварталы». Его территория никогда не была разделена на зоны проживания «колонизаторов» и «колонизуемых». Как отмечает английский антрополог, «получилось, что в городе, превратившемся впоследствии в столицу “национальной” республики, отсутствуют материальные объекты, которые воплощали бы культурное наследие коренных обитателей данной территории. Этой специфической чертой русского колониального поселения в северной части Азиатской России обладают и другие города – например, Якутск, Хабаровск и Кызыл» [Хамфри 2010: 288].

Становление советского Улан-Удэ

Значимые трансформации в городе произошли в советский период, когда Верхнеудинск в контексте политики нацистроительства приобрел новый статус – столицы национального региона (Бурят-Монгольской АССР). Специфика этих трансформаций хорошо обозначена в исследовании Т.Д. Скрынниковой [Бурятская... 2004: 91-141]. Стоит отметить, в частности, что существенно изменилась этносоциальная структура городского сообщества:

оно пополнилось представителями титульной – бурятской этнической группы. «Буряты начали формировать важную часть республиканской администрации, интеллигенции и (в меньшей степени) рабочего класса города» [Zhimbiev 2000: 7; Минерт 1983: 87,101-102]. Вместе с тем «назначение» Верхнеудинска столицей национального региона – центром территории проживания бурят имело в определенном смысле *искусственные* основания: «Специфика организации и концептуализации пространства проживания бурят заключалась в том, что до победы Великой Октябрьской революции и окончания гражданской войны в этом геополитическом пространстве не сложилось организационной, как утилитарной, так и символической, структуры, способной выполнять роль Центра этнической интеграции бурят. <...> В частности, “назначенный” быть Центром территории проживания бурят <...> город Верхнеудинск никогда не являлся таковым» [Бурятская... 2004: 99-100].

В 1934 году Верхнеудинск переименовывают в Улан-Удэ («Красная Уда»). Замена названия с русского на бурятское и советское стало важной вехой в его истории. Это подчеркнуло не только переход от русского торгового города к административному центру национальной республики, но и указало на акт его «второго» рождения [Zhimbiev 2000: 47; Минерт 1985: 5]. «Знаковым становится и название города – Улан-Удэ (одной из интерпретаций второй части – «удэ»– предполагается значение «дверь, ворота»), т.е. он назначается центром распространения коммунистических идей в восточные страны» [Бурятская... 2004: 110].

Вместе с тем в советский период в архитектурном облике города по-прежнему мало что сигнализировало о расположении в Азиатской части России и статусе столицы национального региона. Во многом в связи с жилищным кризисом, а также из-за долгого отсутствия в городе (до 1960-х годов) собственных архитекторов и достаточных средств, строительство зданий осуществлялось «неоригинальным» методом – преимущественно за счет «массового возведения зданий по типовым проектам, индустриальными методами, из стандартизированных сборных элементов» [Минерт 1983: 144-145]. «Создание красивой и благоустроенной столицы национальной республики» [Минерт 1983: 134], предусмотренное Генпланами города 1936, 1949 и 1966 гг., на практике откладывалось. «Дополнительный элемент разнообразия и эмоциональной теплоты» [Минерт 1983: 166] в архитектуру жилых зданий вносился за счет единичного декорирования фасадных панелей отдельных домов изображениями бурятских орнаментальных мотивов.

Хорошей возможностью привнести в городскую общественную архитектуру «национальный колорит» стало решение о возведении на площади Советов (советском и нынешнем общегородском центре Улан-Удэ) театра оперы и балета. Архитекторы столкнулись здесь с непростой задачей: «Хотя бурятский народ в течение почти двухсот лет развивал самобытное культовое зодчество, не было никакой ясности, что надо понимать под бурятскими национальными особенностями архитектуры в конкретных условиях проектирования здания современного театра. Отказавшись от обычных тогда приемов классицизма, автор [проекта. – А.Б.] не мог себе позволить и заимствования из арсенала композиционных приёмов и декоративных форм культового зодчества бурят» [Минерт 1983: 171]. Возникшее противоречие вместе с идеологической ангажированностью архитектурной политики того времени так и не превратили театр оперы и балета, а впоследствии и стадион имени 25-летия Бурятской АССР, при разработке архитектуры которого также стремились к национальному своеобразию [Минерт 1983: 174-176], в отчетливые «национальные» маркеры городского пространства. Пожалуй, наиболее интересным советским примером использования традиционного бурятского орнамента и декора служит Бурятский государственный академический театр драмы им. Х. Намсараева, архитектура которого стала «концептуальной противоположностью Театра оперы и балета» [Zhimbiev 2000: 79; Минерт 1983: 214-217].

Памятники и скульптуры, появившиеся в городе в советский период, отражали преимущественно советское же наследие. Помимо впечатляющего своими размерами памятника В.И. Ленину на площади Советов, можно отметить ансамбль площади Славы, памятник Воинам Бурятии, павшим смертью героев в годы Великой Отечественной войны, памятник

первому председателю Верхнеудинского Совета В.М. Серову, большевику-ленинцу И.В. Бабушкину. В итоге к концу 1980-х годов город по своей морфологии немногим выделялся среди других сибирских городов с дореволюционной историей. Иными словами, Улан-Удэ не приобрёл оригинального архитектурного «этнического колорита». Исключениями, помимо уже упомянутого Бурятского государственного театра драмы им. Х. Намсараева, были единичные дома с бурятским национальным орнаментом на фасаде.

Постсоветский Улан-Удэ: конструирование этничности

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в связи с распадом СССР и образованием Республики Бурятия идея построения городского ландшафта с использованием бурятских этнических маркеров (волновалась местных архитекторов, и не только их, в советские десятилетия [Минерт 1983: 210-211]) становится всё более актуальной. Вместе с тем до конца 1990-х годов ввиду финансовой слабости городского бюджета и отсутствия инициативных проектов местного бизнеса городской ландшафт так и не претерпел каких-либо значимых трансформаций.

Изменения произошли на уровне дискурсов – в этот период существенно изменяется прочтение, восприятие города. На волне этнокультурного возрождения, «начиная с Перестройки, Улан-Удэ становится центром, играющим структурообразующую роль в создании вербальных и материальных символов бурятского национального пространства» [Амоглонова 2008: 243], первоначально сконструированного местной национальной элитой как основа для политической мобилизации этнической группы. При этом «поскольку этот период – перераспределения властных ресурсов – довольно быстро завершился и этнополитические элиты, достигшие желаемого, стали демонстративно выражать лояльность российскому руководству, то националистический проект, уже лишенный политического <...> пафоса, возвращается в русло этнокультурной идентификации и воспроизводства этничности» [Амоглонова 2008: 31]. В этом смысле, кстати, случай постсоветской Бурятии и Улан-Удэ не сопоставим с ситуацией «национализирующихся» государств и столиц Средней Азии, прошедших существенно иной путь политической и культурной самоидентификации [Абрамян 2010; Космарская 2006; Михалев 2009].

С угасанием всплеска этнополитической активности к середине 1990-х годов идеологемы и мифологемы, связанные с воспроизводством «бурятского мира», развиваются преимущественно в русле культурной самоидентификации. Это оказалось характерным не только для самих бурят как этнической группы, но и для города Улан-Удэ – символического центра «бурятского мира». Он стал рассматриваться уже не столько как политический центр этнической Бурятии, сколько как её культурная столица, призванная отразить историческое и культурное своеобразие бурят. «Образ города, вполне приобретший в советский период качества политико-административного центра Республики Бурятия и главного доказательства достижений бурят в деле социалистической модернизации и урбанизации, в постсоветский период претерпевает интеллектуальную трансформацию и переосмысление в направлении пространственно-временных мифологем центрального мифа об этничности» [Буряты... 2008: 122].

В частности, при конструировании общегородской идеи «города с азиатской душой» были активно использованы главные и производные этнические мифологемы, актуализованные ещё в рамках политико-идеологического дискурса начала 1990-х годов. Речь идёт, прежде всего, о «великой истории», «принадлежности к великой центральноазиатской и буддийской цивилизации», «великих культурных героях» (в первую очередь, Чингисхане), «праве титульного этноса на этническое пространство» [Амоглонова 2008: 6]. Эти мифологемы основаны на воображении далёких исторических предков – «чистых» кочевников – и присвоении права говорить о них и от их имени. Они связывают случай постсоветской Бурятии не только с Монголией, выступившей своего рода стандартом нациестроительства для бурят [Амоглонова 2008: 95-103], но и, например, с современным Казахстаном [Ремнев 2011: 175].

Столица бурятского мира

Возвращаясь к содержанию рассматриваемой нами идеологемы «города с азиатской душой», рассмотрим её составляющие. Как мы отмечали ранее, речь пойдёт о четырёх мощных пластах пространственных представлений: «Улан-Удэ – столица бурятского мира», «Улан-Удэ – буддийская столица России», «Улан-Удэ – восточные ворота России» и, наконец, «Улан-Удэ – столица Азии Байкальской». Рассмотрим их последовательно.

В качестве «столицы бурятского мира» Улан-Удэ рассматривается в двух ипостасях. Во-первых, город выступает единственным значимым политическим центром «этнической Бурятии», включающей, помимо Республики Бурятия, бывшие Агинский и Усть-Ордынский бурятские автономные округа. Разделение территории этнической Бурятии в 1937 г. с образованием отдельных бурятских округов, а затем их недавнее включение в состав соседних субъектов федерации до сих пор рассматривается во многом как «травма» бурятского народа. В связи с этим роль Улан-Удэ в качестве политического центра этнической Бурятии только возросла [Чимитдоржиев 2000: 122]. Во-вторых, город стал рассматриваться как символический центр бурятского национального пространства, как главный продуцент идеологии бурятского возрождения [Амоголонова 2008: 243; Буряты... 2008: 120-132].

Представление города в таком качестве было одобрено местной администрацией: «Улан-Удэ при всем своем сложившемся облике типично российского сибирского города в то же время несет печать национальной культуры. <...> Градостроительная политика последних лет не отличалась особым национальным колоритом, <...> сегодня потребности изменились. <...> Наш город, – говорит мэр Улан-Удэ Геннадий Айдаев, – должен отличаться именно тем, что это город бурятской культуры, несущий все лучшее, что есть в самобытной культуре бурятского народа, его традициях, эстетическом мировоззрении» [Улан-Удэ... 2001: 424].

С конца 1990-х годов при поддержке крупного бизнеса в Улан-Удэ стали появляться объекты, маркирующие городское пространство как *национальное*. Речь идёт, в первую очередь, о скульптурах и памятниках. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Первой скульптурой, отчётливо сигнализирующей об утверждении бурятских этнических маркеров в городском ландшафте, стал «*Мэргэн*» (лучник, бурятский мифологический герой). Его установили в локальном центре Улан-Удэ – у бульвара К. Маркса, «на Саянах», рядом с районной администрацией города. Вслед за ним в 2002 г. в центральной части города появилась скульптура «*Мать Бурятия*» или, как её часто называют, «Гостеприимная Бурятия». Первоначально она была установлена за Бурятским государственным театром оперы и балета на крутом краю возвышенности, господствующей над улицей Ленина (её пешеходным участком – «Арбатом»). Скульптура представляет собой бурятскую женщину, держащую в руках традиционный бурятский *хадак*, – символ национального гостеприимства, который обыкновенно вручают почетным гостям. Местоположение скульптуры сразу посчитали неудачным и долго подвергали критике, поскольку её не было видно из-за высокого здания Театра оперы и балета. Пожалуй, единственным преимуществом этого местоположения было соседство с выстроенным в «восточном» стиле в 1999 г. зданием консульства Монголии. Между тем, в связи с активной критикой в 2008 году скульптуру перенесли к Селенгинскому мосту. Теперь этот самый высокий памятник города встречает его гостей,двигающихся в центр Улан-Удэ со стороны аэропорта. Эта новая роль сделала её, как отмечают местные туроператоры, бурятским вариантом нью-йоркской Статуи Свободы. «Мать Бурятию» называют и главным символом постсоветского Улан-Удэ [Амоголонова 2008: 247].

Следующий знаковый объект – памятник Гэсэру – был представлен горожанам в 2006 г. и расположился на возвышенности недалеко от Удинского моста на «батареинной горе» рядом с местом основания города. Как отмечает Д.Д. Амоголонова, «местоположение памятника глубоко символично: во-первых, он расположен на естественной террасе, считающейся с советских времен центром города, а, во-вторых, он находится поблизости от креста и памятного камня в честь казаков-основателей города. Таким образом, семантика общей компо-

зиции состоит как в символическом утверждении единого лица столицы, имеющего одновременно русские и бурятские культурно-исторические черты, так и в маркировании центра этнического пространства» [Буряты... 2008: 129].

Наконец, стоит отметить «Богатырский мост», построенный в 2005 г. в «20а квартале» и объединивший два городских района – Октябрьский и Железнодорожный. Благодаря скульптурам богатырей, расставленным по обе стороны моста, он и получил своё название. Внешний же вид фигур богатырей, на наш взгляд, отчётливо маркирует связь бурятской истории с великой центрально-азиатской историей эпохи Чингисхана.

Буддийская столица – ворота Азии

Идею «города с азиатской душой» наряду с культурными реалиями бурятского национального возрождения поддерживает феномен республиканского буддийского ренессанса. Вообще в последние годы в республике все более укореняется представление о том, что буддизм и шаманизм – религии, в равной степени маркирующие бурятское этническое пространство. Их можно определить в качестве национальных религиозных символов бурят [Город... 2009: 122-123]. При этом в постсоветском Улан-Удэ именно буддизм нашел большее распространение. В городе и его окрестностях открылись многочисленные буддийские духовные учреждения и организации; изменилось отношение к этой религии, усилилась её роль в городском сообществе. Всё это, а размещение в 40 км от Улан-Удэ Иволгинского дацана – официальной резиденции главы Традиционной буддийской сангхи России – даёт основание административным структурам и туристическому бизнесу представлять город в качестве «буддийской столицы России». В этой смысле особые надежды городского сообщества связаны с международным признанием феномена нетленного тела Хамбо ламы Итигэлова, который уже рассматривается как удачный бренд не только для Улан-Удэ, но и для всей республики в целом [Амоголонова 2010].

Третьим из наиболее мощных пространственных представлений о постсоветском Улан-Удэ, формирующих культурный контекст «города с азиатской душой», служит образ «*восточных ворот России*» или «*ворот в Азию*». Она опирается на сдвоенное видение города в качестве, во-первых, *транспортного* узла на пути в Центральную Азию, а во-вторых, «ворот» в *культурный* мир Азии (прежде всего, Монголии и Китая). В этом смысле республика и город представляются если не частью Азиатского мира, то его периферией (в нейтральном смысле), границей, преодолев которую можно попасть в азиатское этнокультурное пространство. Так, в изданной к 335-летию города книге «Улан-Удэ: история и современность», в разделе «Восточные ворота России» авторы отмечают: «Испокон веков территория Восточной Сибири и Забайкалья была единственным связующим звеном Запада и Востока, надёжным южным форпостом Российской державы прошлых веков и нынешнего времени. <...> Улан-Удэ и сегодня по праву называется «восточными воротами» России в страны Азиатского региона, связующим звеном, городом, где как нигде ярко наблюдается синтез двух великих культур Востока и Запада, религий, традиций и обычаев» [Улан-Удэ... 2001: 281-282].

Идея «города с азиатской душой» тесно увязывается с представлением о «воротах в Азию» не только в административных, но и в поэтических нарративах. Хорошая иллюстрация этому – недавно вышедший сборник песен и стихов «Любовь моя – Улан-Удэ», предисловие к которому было озаглавлено так: «Столица Азии Байкальской». Его автор, Б. Дугаров, пишет: «...Селенга – великая центральноазиатская река, несущая свои светлые и темные воды из глубин монгольских степей к священному Байкалу, напоминает о вечности и городе, отразившем частицы этой вечности в своей истории – от Удинского острога до Верхнеудинска, ныне именуемого Улан-Удэ. Улан-Удэ – город многоликий <...>. Его в полной мере можно назвать «восточными воротами» России, памятуя о знаменитом чайном пути и о многом другом, что предопределяет евразийскую предназначенность столицы Бурятии, или страны Баргуджин-Тукум, ставшей в силу особого геополитического местоположения и ис-

торических судеб своего рода перекрестком на путях различных этносов и культур, шедших с Запада и Востока» [Дугаров 2006: 11-12].

Представление Улан-Удэ в качестве «столицы Азии Байкальской» активно поддерживают городские и республиканские власти. Показательно в этом смысле то, что город в 2011 г. выиграл конкурс туристических маршрутов республики с проектом «Улан-Удэ – столица Азии Байкальской». Местные власти исходят здесь во многом из потребностей регионального брендинга. В логике туристического развития Бурятии, наметившегося с начала 2000-х годов, такое представление города актуализирует, с одной стороны, его этнокультурное своеобразие, а с другой – мировое достояние республики – озеро Байкал.

В логике децентрализации городские власти пытаются идентифицировать себя с *местным регионом*, заняв в нем *столичные* позиции. Здесь стоит отметить, что Улан-Удэ, в постсоветский период не сохранивший сколь-нибудь значимых экономических и административных позиций в Восточной Сибири, сегодня активно использует «байкальский ресурс» в символическом «перекодировании» географического пространства и, в частности, внутрорегиональных границ. Так, в последнее десятилетие город всё больше идентифицирует себя с «Байкальским регионом», «Байкальской Азией», а не с Восточной Сибирью. Принципиальным здесь то, что в рамках публично сконструированного региона Улан-Удэ приобретает «центральные позиции», позволяющие ему преодолеть стигмат «провинции». Это позволяет городу и республике преодолеть и достаточно распространенное представление о Бурятии как «о республике за Байкалом», которое вообще-то москвоцентрично и задаёт ориенталистский взгляд на регион с запада на восток. Вместе с тем Улан-Удэ становится частью «Восточной», «Азиатской» России, привлекательной в туристском и этнографическом смысле. И вполне возможно, кстати, что именно поэтому и привычная характеристика «город за Байкалом» не уступит место, пожалуй, более адекватному современным условиям наименованию «город у Байкала».

Важно отметить, что представление о городе как о «столице Байкальской Азии» не содержит в административном, туристском, поэтическом дискурсах каких-либо острых националистических коннотаций. Более того, это представление, на наш взгляд, основывается на артикуляции этнического разнообразия региона и достаточно колоритной картины дружественного взаимодействия в регионе разных этнических групп и религиозных традиций. В этом смысле обращают на себя внимание два устойчивых представления о городе: «Улан-Удэ как зеркало этнокультурного разнообразия республики» и «Улан-Удэ – ворота в этнокультурный мир Бурятии». Так, в уже упоминаемом издании «Улан-Удэ: история и современность», авторы, рассуждая о феномене Забайкальского ренессанса, отмечают: «Улан-Удэ как зеркало отражает разнообразие многонациональных культур и вероисповеданий граждан республики, является не только административным, но и культурным, религиозным центром для различных конфессий и религий» [Улан-Удэ... 2001: 429].

Постсоветский Улан-Удэ всё более выстраивает свою идентичность как город полиэтнический и многоконфессиональный; город, где встречаются и мирно сосуществуют множественные культуры и религии. В действительности, на территории современного Улан-Удэ зарегистрированы и активно действуют организации как «традиционных религий Бурятии» (православия, буддизма и шаманизма), так и относительно «нетрадиционных» – римско-католическая, мусульманская и другие общины. В городе было организовано несколько национальных диаспор: армянская, грузинская, еврейская, китайская, польская и некоторые др. При этом, несмотря на сложный этнический и конфессиональный состав населения, постсоветский Улан-Удэ остаётся одним из стабильных городов России с высоким уровнем межкультурной и межрелигиозной терпимости.

Показательно в этом смысле то, что в изучаемый период в городе не возникли отчетливо проявляющиеся зоны компактной этнической застройки, равно как и относительно гомогенные этнические анклавов. Этот вывод применим как для «коренных» этнических групп, так и для «новых» горожан – постсоветских мигрантов из Средней Азии (в первую очередь, китайцев), Закавказья, сообщества которых в городе достаточно многочисленны.

Город с азиатской душой

Сегодня идея «города с азиатской душой», которую мы представили как доминантную, хотя и «закрывает» в определенных условиях прочие альтернативы в представлениях об Улан-Удэ [Бреславский 2012: 46-113], *не провоцирует* радикальное отрицание его дореволюционного и советского прошлого, а также артикулирует факт этнического и конфессионального *разнообразия* городского сообщества.

Новая городская идея, как представляется, не явилась продуктом общественных дискуссий. Её конструирование – во многом заслуга местной элиты. Ученые обеспечили новую идею историко-культурным обоснованием, творческая интеллигенция – мифопоэтическим, клерикальная элита (в первую очередь, мэрия) предоставила административные ресурсы. Исходя из политической конъюнктуры, образы Улан-Удэ, содержащиеся в идее «города с азиатской душой», активно транслируются в СМИ и в туристском дискурсе, постепенно проникая и в повседневную жизнь. Сегодня укоренение, натурализация этой идеи, практика реформатирования городского ландшафта в целом поддерживается административной властью, творческой и академической элитой города и всей Бурятии, а также принимается местным, этнически и конфессионально разнородным, сообществом.

Литература

Абрамян Л. Ереван. Память и забвение в организации пространства постсоветского города // Антропологический форум. 2010. №12. С. 248-271.

Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2008.

Амоголонова Д.Д. Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова в контексте бурятского этнокультурного возрождения // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: Сб. ст. Вып. IV. Барнаул, 2010. С. 140-153.

Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки / Отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2009.

Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2012.

Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / Отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2004.

Буряты: социокультурные практики переходного периода / Отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ, 2008.

Дугаров Б.С. Столица Азии Байкальской // Любовь моя – Улан-Удэ: стихи и песни / Сост. Г.М. Дабаева, Б.С. Дугаров. Улан-Удэ, 2006. С. 11-12.

Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / Отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008.

Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии 1992-2002). Москва: Наталис, 2006.

Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983.

Митин И.И. Методика полевых гуманитарно-географических исследований в контексте мифогеографии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2005. С. 235-275.

Михалев А.В. Советские мемориалы в Монголии: коллективная память и борьба за символическое пространство // Диаспоры. 2009. №2. С. 208-232.

Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab Imperio. 2011. №1. С. 169-205.

Улан-Удэ: история и современность / Сост. А.Б. Иметхенов, Е.М. Егоров. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2001.

Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. Москва: Наталис, 2010.

Чимитдоржиев Ш.Б. Бурят-монголы: история и современность (очерки). Раздумья монголоведа. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2000.

Zhimbiev V. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. L: The White Horse Press, 2000.